

— &\*(&! — один из чужаков, шедших позади, шагнул вперед и резко указал на Хань Цзина, издав лающий, угрожающий окрик.

Хотя ужас пробирал его до костей, Хань Цзин из последних сил удерживал ускользающее самообладание. Его нервы были натянуты до предела — казалось, малейшее усилие, и они лопнут со звоном. Он поспешил пристроиться в хвост колонны и вошел вслед за остальными в этот сочащийся кровью ад наяву.

Когда смертельный ужас переходит все границы, на смену панике приходит спасительное онемение. Именно в этом состоянии бесчувственного ступора сейчас и находился Хань Цзин.

Он видел, как русалок одну за другой методично, словно на конвейере, потрошили и обезглавливали. Очищенные безголовые туши выплывали по движущейся ленте транспортера. Их вывернутые наружу, опустошенные животы обнажали белеющие позвонки. Туши лежали на длинных металлических столах, точно обычная снулая рыба.

Бледные руки безвольно свисали с металлических краев, мягко покачиваясь в такт мерным толчкам конвейера...

Хань Цзина снова затрясло. Он физически не мог смотреть на этот прекрасный народ как на убойный скот — их тела были в точности такими же, как его собственное! Но трудившиеся у столов «сородичи» казались глухи к чужой боли. Их лица дышали ледяным, граничащим с жестокостью равнодушием.

Одетые в песчано-бурые робы, они ловко орудовали рабочими инструментами: сдирали с русалок нежную кожу, вырезали кости, а затем пластовали мясо на ровные куски. Они разделявали их так, словно перед ними были свиные или коровьи туши. В их глазах не было ни страха, ни жалости — обычная, приевшаяся рутина, монотонно выполняемая на залитом кровью конвейере.

Хань Цзина била крупная дрожь. Внутри у него все словно покрылось липкой, удушливой грязью — точь-в-точь как пол под его ногами, залитый теплой сукровицей.

— &\*(&\*(&! — раздался резкий выкрик. Один из рабочих у разделочного стола ткнул пальцем в сторону Хань Цзина. Рядом с ним возвышался инопланетный надсмотрщик.

Сердце Хань Цзина болезненно сжалось. Сжимая влажные от холодного пота ладони, он на неслушающихся ногах медленно подошел к столу.

— &^\*#...

— (\*#&...

Хань Цзин стоял, понуро опустив голову и ловя каждый шорох. Его «соплеменник» в песчаной робе молча выслушивал лающие приказы надсмотрщика.

— \*(&##!

Наконец «соплеменник» прижал скрещенные ладони к плечам, покорно склонился перед чужаком и, сделав знак Хань Цзину, повел его вдоль бесконечного, растянувшегося на десятки метров металлического стола.

Хань Цзин впервые видел бойню так близко. Тонкие, похожие на лазерные лучи лезвия пластовали плоть русалок. Зрелище напоминало изощренную древнюю пытку — «смерть от тысячи порезов», но явь оказалась куда страшнее любого вымысла. Лишенные костей тела опадали бесформенными грудями окровавленного мяса, так похожего на человеческое. Самый жуткий фильм ужасов бледнел перед этой картиной.

Смертельно бледный, он в ужасе шарахался в сторону, глядя на свисающие человеческие кисти рук — казалось, они вот-вот потянутся к нему и схватят за одежду. Но даже сквозь леденящий страх его внимание привлекла одна деталь на разделочных лотках.

Разделанные ломти укладывали в продольный желоб посреди стола, откуда их стремительно уносил сплошной поток жидкого света.

Эти куски мяса заставили обостренное восприятие Хань Цзина забиться в тревоге. На их срезах... нет, прямо между волокнами плоти отчетливо угадывался слабый золотистый отлив. Тончайшие, почти невидимые нити, куда тоньше кровеносных капилляров.

Неужели чужаки едят русалок? Неужели эти разумные, прекрасные существа для них — просто пища?!

Новый приступ дрожи сотряс его тело. Как бы Хань Цзин ни пытался сдерживать ужас, до прибытия на Базу № 9 он оставался обычным кабинетным ученым, выросшим в сытом и спокойном квартале. О насильственной смерти он слышал разве что в редких криминальных сводках по телевизору. Ради Мориса он добровольно вызвался войти в состав первой экспедиции миссии SG-I. Хань Цзин честно думал, что готов ко всему, но эта ледяная, конвейерная бойня безжалостно рвала его разум в клочья.

— \*#&\*(&.

Его вновь окликнули. Идущий впереди проводник обернулся. Хань Цзин увидел его карие глаза — такие привычные, человеческие. Тот заговорил негромко и спокойно, и в чертах его лица Хань Цзину померещилось робкое сочувствие. Или даже попытка утешить?

«Что все это значит?»

Хань Цзин почувствовал, как в груди шевельнулось недоброе предчувствие.

Они остановились перед высокой серебристо-серой стеной из матового металла.

Его спутник нажал кнопку на панели управления. Воздух прорезал лазурный свет прозрачного голографического экрана, а затем сверху упал плотный луч прожектора. В его сиянии взгляд Хань Цзина наткнулся на изорванную половину исследовательского костюма.

— Кэтрин?!

Хань Цзин рванулся вперед и выхватил обрубок плотной ткани. Дрожащими руками он нащупал знакомую нашивку с сокращенным именем на боку. Ошибки быть не могло. Как костюм Кэтрин оказался здесь?! Где он сам? Разве он не шагнул в Звёздные врата вслед за остальными? И почему осталась лишь нижняя часть штанин... Цельный защитный костюм словно перерубили пополам у самой талии!

Сердце Хань Цзина зашло в бешеном ритме, грудь сковало мертвенным холодом. Безумная догадка была настолько страшной, что он не выдержал и впервые сорвался на крик:

— Где он?! Я тебя спрашиваю! Где он?!

— Где человек, который носил это?! Где он?! — Хань Цзин трясся так, словно его лихорадило, и изо всех сил прижимал к груди кусок ткани, будто надеялся согреть его.

— \*#&\*(, — ровным, тихим голосом ответил соплеменник.

Но это мягкое, жалостливое сочувствие лишь сильнее напугало Хань Цзина. Мужчина потянулся к нему, намереваясь ободряюще коснуться плеча, но Хань Цзин отпрянул назад, точно от ядовитой гадюки.

Проводник удивленно замер. Вглядываясь в искаженное ужасом лицо Хань Цзина, он заговорил вновь, но на этот раз в его голосе уже не было прежней мягкости. На смену сочувствию пришла глухая, мрачная серьезность.

Стена перед ними с тихим скрежетом поползла вверх. Хань Цзин вздрогнул и застыл, словно парализованный, уставившись в открывшуюся нишу. Прошло несколько долгих, невыносимых секунд, прежде чем из самой глубины его сжавшегося горла вырвался дикий, полный нечеловеческого ужаса вопль.

В глазах мгновенно потемнело. Земля ушла из-под ног, Хань Цзин покачнулся и рухнул бы на металлический пол, если бы спутник не успел подхватить его. Все тело свело судорогой ужаса. Сколько бы он ни пытался дышать, ледяная стужа вьелась в его кости, выстужая саму душу. Горло раздирал безмолвный, истощный хрип. Перед его взором аккуратными рядами лежали

окровавленные отрезанные головы — пугающе человеческие, безжизненные лица. В мыслях Хань Цзина воцарилась звенящая, мертвая пустота.

Глядя на эти жуткие лица, которые ничем не отличались от лиц их собственных соплеменников, проводник тоже побледнел. Шумно вздохнув, он указал пальцем на зажатый в руках Хань Цзина обрывок ткани, а затем на одну из окровавленных голов в нише:

— (&! (\*#&.....Nathors \*#.....

— \*#&Nathors \*#.....

Он настойчиво переводил палец с мертвых голов на лоскуты защитного костюма, без слов давая понять: хозяин этой одежды разделит участь несчастных существ, и его останки покоятся где-то здесь. Но Хань Цзин уже не соображал. Его разум выгорел от шока, а мысли намертво заклинило на этой чудовищной, сочащейся свежей кровью картине.

Когда оцепенение наконец немного спало, Хань Цзин обнаружил, что бредет по длинному коридору из матового серебристого металла. Вокруг царила безупречная, стерильная чистота высокотехнологичного комплекса. Глядя на эти сияющие стены, невозможно было даже представить, какой кошмар творится за закрытыми дверями бойни.

Большинство пленников оставили на разделочных линиях — смывать кровь и кромсать чужую плоть. Лишь немногих, включая Хань Цзина, отобрали для работы в других секторах и повели дальше.

Хань Цзин едва переставлял ноги, ставшие тяжелыми, точно налитыми свинцом. Лицо его было белее мела, в глазах застыли непролитые слезы. Разорванный костюм Кэтрин у него уже отобрали, но память о нем жгла грудь, заставляя содрогаться от ледяного озноба, проникшего до самых костей.

«Кэтрин мертв? Тот пленный пытался сказать, что голова Кэтрин лежит среди тех изуродованных тел?!»

«А Морис?! Неужели и он... Неужели его постигла та же участь?!»

«Нет! Только не это! Этого просто не может быть!»

Хань Цзин судорожно мотнул головой, прогоняя этот кошмар. Он изо всех сил сжал кулаки, вонзая ногти в ладони — только эта резкая физическая боль помогла ему заглушить терзавшее душу отчаяние. Впереди беззвучно разъехалась очередная тяжелая дверь, и волна панического страха вновь поднялась из глубин его существа.

Свет внутри оказался мягким и рассеянным. В просторном зале мерно гудели незнакомые приборы; в лаконичном интерьере преобладали чистые серые тона. Неподалеку, за

перегородками из материала, похожего на кристаллы Туаой, виднелись спины работающих людей. Возле каждого поста высились оранжевые энергетические колонны — они пульсировали ровным янтарным светом, точь-в-точь как те, на Базе № 9.

Голографические экраны, парящие прямо в воздухе, оранжевые энергетические колонны, сами Звёздные врата, работающие посреди ледяного космоса... Все эти детали, крупца за крупцей, подтверждали его догадку: за технологиями этой сверхцивилизации определенно стояла тень Атлантиды.

Но почему создатели этого величия оказались столь чудовищно, невыносимо жестоки?

Увиденное на бойне в одно мгновение перевернуло все его представления об этой расе. До того как пройти сквозь Звёздные врата, Хань Цзин, как и многие на Земле, относился к прародителям человечества с благоговейным трепетом. Он верил, что мир великих атлантов — это венец вселенской гармонии, идеальное общество разума и гуманизма. Однако хозяева этого места, унаследовавшие древние технологии, скорее всего, являлись прямыми потомками той самой цивилизации.

Если истинные атланты действительно несли свет и созидание, то почему их прямые наследники не переняли идеалы милосердия и миролюбия? В поведении чужаков не было и намека на сострадание — лишь холодный прагматизм, жестокость и безграничное высокомерие. Они взирали на людей с высоты своей пищевой цепи, видя в них лишь низших существ.

В душе Хань Цзина зародилось глубокое сомнение. Надуманный образ прекрасной утопии разбился на мелкие осколки, заставив его взглянуть на вещи трезво и стать предельно осторожным.

Его подвели к одному из постов и заставили помогать работающему там пленнику. Сверху с тихим гулом с равными интервалами опускались столбы света, внутри которых парили усыпленные русалки. Подчиняясь командам механизмов, они плавно опускались на рабочие столы перед каждой парой заложников.

— &\*(&□(\*#&..... — напарник обернулся и протянул ему тяжелый золотой диск. Поверхность прибора покрывала вязь таинственных символов, отдаленно напоминающих древнекитайскую схему «девяти дворцов».

Хань Цзин осторожно принял его обеими руками. Проведя пальцами по замысловатым линиям, он удивился: идеально гладкий диск казался монолитным зеркалом, а загадочные узоры были вплавлены глубоко внутрь.

Диск легко умещался на ладони. Разглядывая его, Хань Цзин невольно ловил себя на мысли, что технологии этой цивилизации каким-то непостижимым образом перекликаются с древнейшим наследием Земли.

— &\*(\&[\*#&..... — вновь заговорил напарник, показывая жестом, что Хань Цзину нужно положить диск на раскрытую ладонь.

— Так? — Хань Цзин послушно скопировал жест.

Вдруг сердце его испуганно пропустило удар: ладонь окуталась призрачным золотистым свечением. Тяжелый диск словно ожил — из его ребер выскользнули шесть тончайших металлических нитей, которые мягко, но прочно оплели запястье и пальцы, фиксируя прибор на руке.

— \*#&\*(\&, — мужчина удовлетворенно кивнул, и на его губах появилась слабая, теплая улыбка.

— \*#&\*(\& Риан.

— \*#&\*(\& Риан.

— \*#&\*(\& Риан.

Он говорил терпеливо и мягко. Понимая, что чужестранец не понимает ни слова, напарник раз за разом повторял эту фразу, выделяя последнее имя.

Хань Цзин наконец расслышал имя и несмело переспросил:

— Риан?.. Риан?

— Риан, — кивнул напарник и прижал ладонь к груди.

Поняв его жест, Хань Цзин выдавил из себя блеклое подобие улыбки и тоже указал на свою грудь:

— Хань Цзин. Меня зовут Хань Цзин.

—!&\*(\&\*(\&! — раздался резкий, ледяной окрик подошедшего надсмотрщика.

Риан мгновенно сжался от страха. Склонившись в покорном поклоне, он бросил на Хань Цзина быстрый предупреждающий взгляд и тут же вернулся к прерванному делу. На их рабочую панель опустился усыпленный русал. Его чешуйчатый хвост отливал сапфировой синевой, а безупречно гладкая кожа светилась мягким перламутровым блеском. Лицо существа казалось шедевром неизвестного художника — в утонченной, нежной красоте сквозила поразительная, естественная гордость. Хань Цзин невольно перевел взгляд на Риана: между ними было странное, почти неуловимое сходство.

Хань Цзин вглядывался в лицо Риана, чувствуя, как в сознании крепнет странная мысль. У всех местных жителей — будь то надменные надсмотрщики или бесправные рабы — в чертах лица сквозила поразительная, врожденная андрогинность. Мужественность в их облике непостижимым образом сливалась с утонченной женской мягкостью. Это была чистая, природная красота, которая словно стирала саму грань между полами.

«Его руки совсем не похожи на ладони чернорабочих, — отметил про себя Хань Цзин, глядя на тонкие, изящные пальцы напарника. — Видимо, его никогда не отправляли на тяжелые работы. И уж точно держали подальше от бойни».

При воспоминании о ровных рядах окровавленных голов Хань Цзина вновь затрясло. Сердце стиснуло ледяными тисками.

Он снова посмотрел на прекрасное существо, лежащее перед ним. Грудь русала едва заметно опускалась и поднималась.

«Он жив? Все еще дышит?»

В груди Хань Цзина затеплилась слабая надежда. Риан тем временем поднял руку и мягко прижал мерцающий золотом диск ко лбу существа. Вспыхнул короткий лазурный импульс, и тело русалки плавно соскользнуло вниз, в открывшийся распределитель. Автоматический манипулятор аккуратно переместил его в один из прозрачных цилиндрических резервуаров, выстроившихся вдоль стены. Сквозь стеклянные стенки было видно, что каждая капсула доверху заполнена густой синей жидкостью.

«Это вещество Аноид?»

Внутри сияющего раствора безмолвно покоились десятки спящих существ. Запертые в тесных стеклянных тюрьмах, точно декоративные рыбки в домашнем аквариуме, они казались неживыми. Сомкнутые веки, пугающе бледные, застывшие лица, и лишь длинные волосы лениво колыхались в густой лазури, напоминая бурые морские водоросли...

Риан выглядел измотанным, словно эта несложная работа требовала от него колоссального напряжения внутренних сил. Его лицо заметно побледнело. Он сделал Хань Цзину знак, предлагая встать за пульт.

— \*#&\*.

На рабочую панель опустилось новое тело. Риан тихо прошептал что-то подбадривающее, увлекая Хань Цзина за собой.

Хань Цзин напряженно кивнул. Разум его разрывался от страха и жалости.

«Получится ли у меня?..»

Его ладонь коснулась обнаженной кожи — плоть русала оказалась мертвенно-холодной. Вглядываясь в утонченное, прекрасное лицо, он ощутил невыносимую, давящую тоску.

«Как эти создания, истинные любимцы богов, могли превратиться в бесправный, выращиваемый на убой скот?!»

Все вышло на удивление просто.

Стоило ему прижать золотой диск ко лбу существа, как металл послушно отозвался мягким золотистым сиянием. Тело плавно скользнуло в приемник, отправляясь вглубь прозрачного резервуара.

Они сменяли друг друга, двигаясь монотонно, точно детали единого заводского конвейера. Мимо них чередой проплывали прекрасные усыпленные создания...

Когда Хань Цзин уже окончательно впал в тупое оцепенение, его взгляд внезапно сфокусировался на новом теле. В темных глазах вспыхнул огонь узнавания. На рабочую панель опустился тот самый русал, который первым попал на записи земных зондов — тот, чьи безмолвные слезы потрясли весь научный мир.

«Его тоже поглотил тот столб света... Но его судьба оказалась куда страшнее моей».

Хань Цзин до боли стиснул пальцы. Грудь сдавило от невыносимой тоски. Глядя на беззащитное существо, отданное на милость палачей, он невольно вспомнил свою команду.

«Роджер...

Морис...

Лэнс...

Кэтрин?!»

Хань Цзина затрясло от озноба. Его пальцы, занесенные над головой русалки, мелко дрожали от бушевавших в груди эмоций.

— Элохим... — тихий, призрачный шепот прозвучал словно из самых глубин преисподней.

Хань Цзин в испуге отдернул руку и отшатнулся. К его изумлению, казавшееся бездыханным

существо приоткрыло веки. Глубокие фиолетовые глаза подернулись мутной пеленой забвения, а бледные губы едва слышно шептали:

— Элохим... Эло... хим...

— Элохим? — пробормотал Хань Цзин, пытаясь осмыслить услышанное.

Но Риан, заметив это, уже испуганно кричал, призывая надсмотрщика.

— &\*( &\* Камера (&... — холодно произнес чужак.

Он грубо опустил правую ладонь на лоб существа. На его пальцах тускло блеснуло уже знакомое Хань Цзину украшение — массивный браслет и кольцо на среднем пальце, соединенные девятью тонкими золотыми цепочками. По металлу струились едва заметные золотистые искры, точь-в-точь как у Тань.

Брызнуло яркое золотое сияние. Русал судорожно содрогнулся, словно от разряда тока, и его веки вновь тяжело сомкнулись. Из закрытых глаз выкатились крупные слезы, которые, едва коснувшись стола, с тихим стуком застыли круглыми жемчужинами.

Его вновь обдал ледяной ветер безысходности. В этот миг Хань Цзин отчетливо понял: они с этим несчастным созданием были абсолютно равны. Оба — бесправные пленники, скованные чужой безжалостной волей, брошенные в бездну безнадежности без единого шанса на спасение.

<http://bllate.org/book/19677/2006441>